

Короткое уведомление породило множество интерпретаций, и студенты перебрали всю родословную двенадцати племён Восточной Пустоши и королевской семьи Западной Пустоши, включая записанные в анналах восемнадцать поколений.

Некоторые студенты даже спорили о том, к какому именно клану принадлежит демонический культиватор в городке.

Споры среди образованных людей были наполнены цитатами и ссылками на древние тексты, и чем дальше они заходили, тем более древние источники они использовали. Казалось, что скоро они дойдут до времён хаоса, когда Люди Пустоши вторглись в Девять Областей, и даже до самого рождения мутной ци, приближая момент, когда мир станет единым, а Нюйва создаст людей.

Слушая их рассказы о взлётах и падениях королевской семьи Западной Пустоши и неизвестных ранних годах главы племён Восточной Пустоши, Цзян Цзинсин не мог не восхититься богатым воображением студентов академии.

Одновременно он сокрушался.

Теперь он понимал, почему его рассказы не стали популярными и не распространились по всему миру.

Он слишком много времени уделял очернению Се Жунхуа и детальному описанию своего образа. Нужно было больше драматизировать истории о любви и ненависти среди десяти сильнейших, а также о наследственном безумии королевской семьи Северной Чжоу.

Цзян Цзинсин глубоко анализировал свои ошибки.

Продолжая свои размышления, он подошёл к студенту в тёмно-синем халате, который стоял в одиночестве, выделяясь на фоне остальных, и задал бессмысленный вопрос:

— Скажите, уважаемый, осмелюсь спросить, всегда ли в академии такая оживлённая атмосфера?

Его лицо было легко узнаваемым, и благодаря Се Жунцзяо студент в тёмно-синем халате знал, кто он. Он улыбнулся и ответил:

— Вы, наверное, не знаете, но в академии очень сильна тяга к знаниям. Разные люди могут иметь разные взгляды на одно и то же событие, и наши братья по учёбе часто спорят, выражая свои мнения. Это нормально.

Тем временем другие студенты, исчерпав все цитаты от сотворения мира до хаоса, уже готовы были перейти к драке, их лица покраснели, а голоса стали громче.

Даже Шэнь Си, который обычно держался в стороне, пытался успокоить обе стороны, готовясь использовать свою духовную силу, чтобы предотвратить конфликт, если они действительно начнут драку. Студент в тёмно-синем халате же описывал ситуацию с изысканной учтивостью, сохраняя полное спокойствие.

Цзян Цзинсин смотрел на него с новым уважением:

— Могу ли я узнать ваше имя?

— Моя фамилия Лу, зовут Бинфэнь.

Се Жунцзяо с удивлением посмотрел на него.

Это имя звучало знакомо.

Цзян Цзинсин высказал его мысли вслух:

— Ваше имя, уважаемый Лу, очень напоминает имя Лу Биньвэй.

Лу Биньвэй был заместителем командующего армией Гуйюань, известным своими неожиданными тактиками и хитроумными стратегиями, которые невозможно было предугадать.

Все знали, что Лу Биньвэй мастерски использует неожиданные ходы, но никто не мог предсказать, что он сделает в следующий раз.

Лу Биньвэй был предан Се Жунхуа.

Его преданность проявлялась в том, что он считал главным врагом Цзян Цзинсина, главного врага Се Жунхуа, своим личным врагом номер один.

С тех пор он удостоился чести стать главным врагом Цзян Цзинсина вместо Се Жунхуа.

«Восхваляя изящное и великолепное, обсуждая тонкое и ясное».

Лу Биньвэй оправдал своё имя.

Когда его сочинения распространились по миру, многие мастера перечитывали их снова и снова, и после прочтения все их эмоции выливались в одно восклицание: «Этот юноша — гений от природы!»

Лу Биньвэй в возрасте двадцати лет своим мастерством в вычислениях покориł старых учителей из императорской академии в Хаоцзине, а затем учителя из Академии Буцзэ на юге склонились перед ним, признавая его величайшим мастером предсказаний. Даже патриарх Секты Закона уступил ему место.

Хотя сам Лу Биньвэй говорил, что патриарх Секты Закона просто ценил талант и уважал молодое поколение.

Независимо от того, был ли Лу Биньвэй искренен в своей скромности, тот факт, что патриарх Секты Закона уважал его как молодого гения, уже говорил о многом.

К сожалению, этот гений позже решил стать заместителем командующего армией Гуйюань, и его талант писателя был полностью направлен на язвительную переписку с Северной Пустошью.

Лу Бинфэнь смущённо сказал:

— Может, это связано с восхищением?

Увидев неоднозначное выражение лица Цзян Цзинсина, он поспешил объяснить:

— Я давно восхищаюсь Лу Биньвэем. Не только его мастерством в вычислениях, которое

поистине уникально, но и его сочинениями, которые...

Его лицо выражало неподдельное восхищение:

— Каждое слово — жемчужина, и в ближайшие сто лет никто не сможет превзойти его.

Цзян Цзинсин:

— Тогда вам лучше не хвалить Лу Биньвэя в его присутствии.

Лу Бинфэнь с недоумением спросил:

— Почему?

Цзян Цзинсин:

— Потому что Лу Биньвэй хочет зарабатывать на жизнь кулаками.

Лу Бинфэнь всё ещё не понимал:

— А?

Ему в ответ остался только саркастический смех и уходящая вдаль фигура.

Это явно было не для Лу Бинфэня, а скорее для Лу Биньвэя, находящегося за тысячи ли.

Се Жунцзяо, оставшись, доброжелательно объяснил:

— Вам лучше не хвалить Лу Биньвэя за его вычисления перед Гао Шанем и не хвалить его сочинения и вычисления перед самим Лу Биньвэем.

Лу Бинфэнь выглядел растерянным, его лицо выражало полное недоумение.

Се Жунцзяо продолжил:

— Потому что Гао Шань хорош в драке, но хочет зарабатывать вычислениями, а Лу Биньвэй хорош в вычислениях, но хочет зарабатывать дракой. Они ненавидят друг друга.

Сказав это, он пошёл за Цзян Цзинсином.

Оставив Лу Бинфэня в замешательстве, который пробормотал:

— Вот уж действительно, судьба играет с нами.

К счастью, ректор вовремя появился, предотвратив назревающую драку.

Они ехали не на обычных лошадях, а на духах-скакунах, внешне похожих на обычных лошадей, но способных преодолеть в десять раз большее расстояние за день.

Эти существа, как и их название, могли пройти три тысячи ли за день.

Городок назывался Фулай, но неизвестно, принёс ли он кому-то удачу. Однако демонический культиватор, который навис над жителями как угроза, был вполне реальным. Название городка, казалось, скорее иронизировало, чем приносило благополучие.

Фулай находился под юрисдикцией Янчэна, и их миссия по поимке демонического культиватора должна была быть согласована с главой города Янчэн.

Глава Янчэна был связан с Се Жунцзяо.

Семья Се из Фэнлина была немногочисленной, особенно в поколении Се Хуаня, где он был единственным наследником. Поэтому талантливые представители боковых ветвей семьи были повышены и получили важные посты.

Глава Янчэна Се Хуа был одним из таких.

Он был дядей Се Жунцзяо, человеком с выдающимися способностями и неплохими навыками в практике, став третьим по значимости в семье Се после Се Тинбая и Се Хуаня, достигших этапа небесного человека.

Чтобы показать, что он не претендует на место главы семьи, он добровольно отправился в Янчэн, далёкий от Фэнлина, и стал главой города, где у него была хорошая репутация.

Случившееся в Фулае не могло не повлиять на Се Хуа.

Получив сообщение от академии, он не спал всю ночь и с самого утра лично ждал у городских ворот, чтобы встретить представителей академии, показывая свою искренность. Он простоял полдня в пыли, заставляя стражников у ворот нервничать.

Но когда он увидел прибывших, заранее подготовленная речь, которую он репетировал весь день, вдруг застряла у него в горле.

Прибытие ректора академии не произвело на него такого впечатления, как появление двух фигур, идущих рядом.

Святой для большинства был загадочной фигурой, появляющейся и исчезающей, как дракон, но благодаря Се Хуаню, Се Хуа знал его.

Хотя они встречались лишь несколько раз мимоходом, Цзян Цзинсин был одним из тех людей, которых, однажды увидев, невозможно забыть, даже через десять или сто лет.

Незабываемым.

Се Хуа сначала поклонился ректору академии, не успев произнести заранее подготовленную речь, полную извинений и тревоги, которая стоила ему полуночных размышлений. Его мысли были в полном хаосе.

Что за демонический культиватор в Фулае, что заставил Святого лично явиться?

Не успел он открыть рот, как Цзян Цзинсин оказался быстрее, неожиданно выйдя из толпы и пожимая его руку:

— Давно не виделись, брат Се! Вы по-прежнему в отличной форме! Я так по вам скучал, уже думал найти время заехать в Фэнлин, чтобы выпить с вами пару чашек вина и вспомнить старые времена. Как же здорово, что мы встретились здесь. Видно, судьба сводит нас даже на расстоянии тысячи ли!

Нет, даже в дружеских отношениях нужно соблюдать приличия. Се Хуа жил в Янчэне почти двадцать лет, возвращаясь в Фэнлин только на Новый год. Вряд ли он был тем, кого Цзян

Цзинсин мог назвать старым другом.

Студенты академии почувствовали неловкость за Цзян Цзинсина.

Се Хуа почувствовал, как по его коже побежали мурашки, и на мгновение задумался, не перепутал ли его Святой с Се Хуанем.

В глазах Се Жунцзяо мелькнула едва заметная улыбка, и он подошёл к Се Хуа, чтобы поклониться:

— Давно не виделись, дядя. Не ожидал, что встретимся здесь.

Се Хуа решил отложить свои сомнения и улыбнулся:

— А-Цзяо, ты учишься вдали от дома, а я обычно нахожусь в Янчэне, так что давно не виделись. Жаль, что сейчас не время, иначе я бы обязательно оставил тебя погостить на пару дней.

Но как его драгоценный племянник и Святой оказались в команде академии?

Вряд ли их внезапное желание познакомиться с академией кого-то обманет. Се Хуа не верил.

Се Жунцзяо поддержал Цзян Цзинсина:

— Брат Гао действительно очень скучал по вам. Он не раз упоминал об этом за время нашего путешествия.

<http://bllate.org/book/16198/1453496>